

Э.О.Леонтьева

ВОСПРИЯТИЕ КОРРУПЦИИ В СТЕРЕОТИПАХ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ РОССИЯН

Тема коррупции относится к числу наиболее обсуждаемых в мире. О распространении коррупции и необходимости борьбы с этим явлением говорят политики и эксперты, предприниматели и представители гражданского общества. Активно дискутируется она и в научном сообществе. Наряду с юристами и экономистами, к исследованию коррупции, ее причин и следствий все чаще обращаются социологи, философы, политологи, антропологи¹. Но, несмотря на взрывной рост интереса к данному феномену, вопрос о том, что считать коррупцией и каковы границы коррупционного поведения, так и не имеет четкого ответа. Еще менее исследованными оказываются политические аспекты коррупции, ее влияние на политические процессы, на принятие конкретных политических решений. Причина проста: за исключением относительно редких коррупционных скандалов, вспыхивающих в различных странах, о коррупционной подоснове того или иного политического решения можно лишь догадываться, строить длинные рассуждения конспирологического толка, с трудом поддающиеся генерализации и превращению в элемент более или менее развернутой политологической концепции. Вместе с тем представляется, что проблема здесь не столько в самом явлении, сколько в содержании и специфике бытования соответствующего концепта, в стремлении исследователей использовать его одновременно и для обозначения, и для анализа некоей реалии. Специфики бытования концепта «коррупция» в современном российском обществе мы и коснемся в настоящей статье.

Чаще всего под коррупцией понимается злоупотребление служебным положением с корыстной целью² или «предоставление услуг... в обмен на взятку»³. Именно так она трактуется и российским законодательством: согласно Федеральному закону № 273 от 25 декабря 2008 г., коррупция — это «незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами»⁴.

В то же время предлагаются и более широкие определения. В частности, некоторые авторы склонны квалифицировать как коррупцию и

¹ Среди работ последних лет см., напр. Jain 2001; Johnston 2005; Козонов 2006; Олимпиева, Паченков 2007; Lambsdorff 2007; Wrage 2007; Чашин 2009.

² Таниц 2004: 4.

³ Шмаков 2007: 45.

⁴ Федеральный закон 2008.

⁵ См., напр.
Friedrich 1972.

⁶ Епифанова 2007:
34.

⁷ Hallack, Poisson
2007: 63.

⁸ Танци 2004: 4.

использование служебного положения для получения неимущественных выгод (продвижение по службе и т.п.)⁵ или даже «любых (курсив мой — Э.Л.) неправомερных преимуществ для себя или для другого лица»⁶. Понятно, что при такой трактовке коррупцией оказываются и непотизм, фаворитизм, блат, протекция, лоббизм, реципрокность, обмен дарами. А в работе французских исследователей Ж.Халлака и М.Пуазона, посвященной коррупции в системе образования, к коррупционным практикам отнесены и такие формы «профессиональных отклонений» (professional misconduct), как дискриминация по этническому, политическому или социальному признаку, сексуальное домогательство, частное репетиторство и использование студенческого труда⁷.

Споры вокруг определения коррупции иногда оцениваются как сугубо умозрительные. Существует мнение, что проблема четкой дефиниции в данном случае носит надуманный характер, поскольку в обычном, повседневном дискурсе всем и так очевидно, о чем идет речь, и исследователи лишь запутывают существо вопроса пестротой определений. Как отмечает В.Танци, «обсуждение темы коррупции неизменно осложняется тем, что она не поддается точному описанию и измерению. Но, как и в пословице о слонах, коррупцию, может быть, и трудно определить или измерить, но мы всегда ее распознаем, если сталкиваемся с ней»⁸. Однако так ли это на самом деле?

Ведь наряду с явлениями, коррупционная сущность которых интуитивно ясна всем (подкуп, взяточничество), имеются и скрытые, замаскированные виды коррупции. А это означает, что в дискуссиях о коррупции явно или неявно сужается предмет разговора и обсуждается не столько сама коррупция, сколько лишь частные ее случаи, особо заметные проявления, которые *принято* относить к коррупции. Из этого, в свою очередь, следует, что такие обсуждения не выходят за пределы внешнего, видимого, поверхностного, не проникают в суть проблемы и в результате не достигают цели.

Отсутствие четкой дефиниции сказывается и на отношении к коррупции обычных граждан. Более того, ввиду сложности и противоречивости смыслового комплекса, обозначаемого словом «коррупция», оно по-разному «встраивается» в различные «картины мира», выполняет в них разные функции. Единый же термин зачастую затемняет, а не проясняет смысл явления. Поэтому при анализе коррупции прежде всего необходимо очертить набор практик, которые осмысляются массовым сознанием как коррупционные, выделить и описать устойчивые стереотипы, детерминирующие отношение различных социальных групп к тем или иным коррупционным действиям.

Анализируя данные социологических опросов, мы обнаружили, что в зависимости от формы коррупционного поведения это отношение может колебаться от полного неприятия до полного одобрения. Так, повсеместно распространенные практики обмена дарами и услугами в сфере распределения общественных благ, продвижения по службе

⁹ *Общественное мнение 2005.*

¹⁰ См., напр. *Коррупция 2004; Общественное мнение 2005; Отчет 2007; а также мониторинговые исследования по коррупции, проводимые Фондом ИНДЕМ, в материалах и отчетах Фонда, размещенных на сайте www.indem.ru.*

¹¹ *Отчет 2007.*

¹² *Общественное мнение 2005.*

¹³ *Исследование проводилось в рамках работы по УНИР Тихоокеанского госуниверситета. Эмпирическую базу исследования составляли материалы опроса студентов хабаровских вузов (выборка — 170 человек) и полуструктурированных интервью с сотрудниками и преподавателями этих вузов.*

родственников и друзей и т.п. обычно не воспринимаются как коррупционные и встречают если не поддержку, то почти всегда понимание⁹. Совсем по-другому относятся россияне к «очевидной» коррупции, той самой, которую безошибочно, как слона, узнают те, кто с ней сталкивается: такая коррупция в большинстве случаев оценивается однозначно негативно. Массовые опросы последних лет показывают, что население считает ее опасным и противоправным явлением¹⁰.

Однако и здесь не все просто. Как правило, в качестве опасных и противоправных осмысляются лишь действия лиц, обладающих более высоким, нежели респондент, социальным статусом и положением в обществе. При этом уровень неприятия тех или иных коррупционных практик зависит от возможности/невозможности осуществления их на уровне респондента. Так, в ходе исследования общественного мнения, проведенного в 2008 г. по заказу правительства Хабаровского края в Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре, выяснилось, что если работники бюджетных организаций однозначно относят к коррупции «непрозрачные» тендеры и «откаты», то предприниматели считают их «нормальным делом», «вознаграждением за помощь в получении контракта». Иными словами, одни и те же практики, одни и те же аспекты служебных нарушений каких-то случаях осуждаются массовым сознанием, тогда как в других поддерживаются и оправдываются. Попытаемся разобраться в истоках этого феномена через описание наиболее устойчивых подходов к коррупции как стереотипов ее восприятия.

Стереотип 1 — неприятие коррупции. Как уже упоминалось, данные практически всех массовых опросов, затрагивающих тему коррупции, свидетельствуют о негативном отношении большинства россиян к этому явлению. Так, в Ростове-на-Дону отрицательно и резко отрицательно относятся к нему 71,9% жителей¹¹, а значительная часть населения Хабаровского края (64,7%) считает, что «коррупция не может быть оправдана ни при каких условиях»¹².

В некоторых исследованиях по психологии коррупционного поведения подобное осуждение связывается с трансляцией социально одобряемого (ожидаемого) ответа. Однако у него есть и другое объяснение. Судя по всему, говоря о своем негативном отношении к коррупции, респонденты подразумевают под ней главным образом взяточничество и подкуп. Более того, есть основания полагать, что и эти явления ассоциируются с коррупцией только в том случае, если имеют отношение к государству и чиновникам. Причем, как уже говорилось, коррупция всегда начинается хотя бы на ступеньку социальной лестницы выше, чем та, на которой находится респондент.

В 2008 г., проводя собственное исследование по коррупции в высшем образовании¹³, мы обнаружили, что даже работники вузов, в том числе имеющие ученую степень, не связывают коррупцию с жизнью «простых людей», если только те не занимаются бизнесом и не вступают в прямые контакты с чиновниками.

— Использовать слово «коррупция» для вуза не совсем правильно, потому что это, насколько я понимаю, слияние власти и преступного мира (женщина, доцент, 50 лет).

— Коррупция — это встроенная система, которая связывает определенные, допустим, высший и средний, уровни, а то, что у нас, я не могу назвать коррупцией... В распределении ресурсов, допустим, природных, тех же лицензий, там может быть коррупция. Вот... в Москве коррупция существует, потому что там есть очень тесная взаимосвязь между различными ведомствами. А... у нас в вузе как таковой коррупции нет (женщина, доцент, 48 лет).

— Коррупция — это подкуп... чтобы, ну, например, в правительстве провести необходимое решение, чтобы дать возможность принять закон, вот это уже подкуп. Коррупция, вернее. Коррумпированный чиновник — это тот, который ручной и который будет выполнять все, что ни попросят (женщина, старший преподаватель, 52 года).

Процитированные высказывания заставляют предположить, что фиксируемое социологами неприятие коррупции носит довольно специфический характер. Коррупция вызывает осуждение потому, что она не имеет и не может иметь отношения к самим респондентам. Она порождена несовершенством государства и законов, корыстолюбием и аморальностью чиновников, оторванностью власти от народа — чем угодно и кем угодно, только не нами, обычными, простыми людьми. Иначе говоря, по меткому замечанию О. де Сардана, «коррупция — это то, чем занимаюсь не я»¹⁴. Разумеется, такая коррупция заслуживает только осуждения. Ведь даже если в своей повседневной жизни мы пользуемся блатом, помогаем «своим», «входим в положение» и «благодарим» тех, кто «вошел» в наше, то это поведение никак не связано с коррупцией. Показательно, что поступки, которые так или иначе могут быть спроецированы на поведение респондента, принято «прощать» даже вышестоящим. Например, помощь чиновника своим близким, протекция родственникам и т.п. хотя порой и квалифицируются как коррупция, почти не вызывают осуждения. Так складывается второй стереотип восприятия коррупции.

Стереотип 2 — терпимость к «легким» видам коррупции. Россияне оправдывают и поддерживают коррупцию в форме «мелких» служебных нарушений, допуская дружеское участие в решении служебных проблем, блат, протекционизм, подношения, подарки и т.п. Из приведенных выше фрагментов интервью, а также материалов многих социологических опросов видно, что в массовом сознании эти практики не воспринимаются как коррупционные. «Население понимает под коррупцией прежде всего нелегальные денежные операции (например, взяточничество, мошенничество, казнокрадство) с участием представителей органов власти»¹⁵ — «неденежное» коррупционное поведение, особенно на «низовом» уровне, не выглядит в их глазах коррупционным.

¹⁴ Олимпиева, Паченков 2007: 97.

¹⁵ Общественное мнение 2005.

Так, расспрашивая работников вузов о том, как они относятся к практике выставления оценок студентам по просьбе коллег, мы обнаружили, что она представляется им чем-то вполне нормальным и естественным и уж, конечно, никоим образом не ассоциируется с коррупцией. Многие из наших респондентов сами обращались к коллегам с просьбами по поводу льгот для «своих» студентов, и абсолютно всем приходилось откликаться на подобные просьбы. Другими словами, те самые люди, которые осуждают коррупцию на уровне госаппарата, не видят в ней ничего постыдного, когда речь идет об их собственных повседневных контактах. Точно так же и государственные служащие низшего и среднего звена склонны видеть коррупцию только на уровне федеральных министерств и госкорпораций.

Использование личных отношений для решения служебных проблем (и служебных отношений для решения проблем личных) настолько прочно вошло в жизнь россиян, что полезные связи и наличие влиятельных знакомых заняли высокое место в иерархии их ценностей. По данным группы исследователей под руководством А.Г.Эфендиева, изучавшей мотивационно-ценностные установки московского студенчества, еще в 1997 г. 57,6% студентов считали такие связи главным фактором, определяющим жизненный успех¹⁶.

¹⁶ Эфендиев, Дудина 1997: 52.

Два рассмотренных выше стереотипа не только успешно уживаются между собой, но и «работают» на поддержание друг друга. Наличие «крупной» коррупции, заслуживающей однозначного осуждения, оправдывает коррупцию «мелкую», способствуя ее рутинизации на уровне повседневных взаимодействий. Здесь же возникает еще один политологически значимый феномен. Поскольку одни и те же действия могут оцениваться и как коррупционные, и как не коррупционные, коррупция становится важным инструментом внутригосударственной борьбы. В этом случае «моя» коррупция квалифицируется как «мелкая» и, соответственно, простительная, тогда как деяния конкурирующей властной группы неизбежно попадают в разряд «крупной», непростибельной коррупции, продиктованной исключительно алчностью и забвением общенародных интересов.

Стереотип 3 — неискоренимость коррупции. Согласно данным всероссийских опросов, проводимых такими авторитетными центрами изучения общественного мнения, как ФОМ и ВЦИОМ, в возможность искоренения коррупции верят не более трети россиян, в то время как 57—58% убеждены, что она непобедима¹⁷.

¹⁷ См. <http://bd.fom.ru/report/cat/corr/d083222>; http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/11788.html?no_cache=1&cHash=b5e94dca9f

На наш взгляд, основанием для этого третьего стереотипа является своеобразное равновесие между первыми двумя: коррупция неуничтожима потому, что «высокая степень публичного осуждения коррупции на деле не подкрепляется личной мотивацией»¹⁸. Несмотря на внешнее ее неприятие, большинство граждан склонно принимать и оправдывать ее как необходимый, полезный и удобный способ решения проблем. И это касается не только «неденежных» форм коррупционного поведения: по данным ВЦИОМ, свыше половины наших соотечест-

¹⁸ Общественное мнение 2005.

¹⁹ http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/3560.html?no_cache=1&cHash=31d306d13a

венников имеют опыт дачи взяток и только 29% полностью исключают для себя возможность использования подобного инструмента достижения своих целей¹⁹. Примечательно, что в ряде регионов, например в Хабаровском крае, число предложений взятки превосходит количество ее вымогательств. Иными словами, за «право» дать взятку идет серьезная конкурентная борьба. Остается только гадать, как при таком раскладе почти 65% жителей края не оправдывают коррупцию ни при каких обстоятельствах. Помимо всего прочего, указанное противоречие говорит о том, что, прежде чем выяснять мнение населения о коррупции, исследователям следовало бы договориться о содержании этого термина и, главное, определиться с квалификацией практик, основанных на сетевых взаимодействиях и личном доверии.

²⁰ См. Андерсон 2001.

Преращение коррупции в актуальную социальную проблему — не столько диагноз, сколько симптом более фундаментальных процессов, развертывающихся в российском обществе. Прежде всего речь идет об остром кризисе «воображаемого сообщества»²⁰. Концепты «страна», «народ», «нация» теряют определенность, перестают выступать в качестве эффективных социальных интеграторов. Соответственно, утрачивают доверие и социальные институты, организующие макросоциальное пространство, вмещающее «воображаемое сообщество». В этих условиях гораздо более значимыми, наделенными гораздо большим доверием становятся сообщества «реальные», основанные на личных связях, знакомствах, родстве и т.д. Социальные практики, организуемые в малом социальном пространстве, оказываются намного более успешными, нежели институционально одобренные. Отсюда — стремление свести «большое» сообщество и его формы коммуникации к «малому». В рамках такого «малого сообщества» коррупция не осознается и не фиксируется участниками взаимодействия. Именно здесь, как нам кажется, и кроются истоки двойственности в восприятии самого феномена коррупции.

Разумеется, было бы неверным считать коррупционно нагруженными любые неформальные контакты. Личные отношения в принципе неустранимы из сферы принятия служебных решений, и именно поэтому так важно найти четкие критерии различения коррупционных и некоррупционных связей. Неизбывность «личного» элемента в профессиональных взаимодействиях создает идеальный камуфляж для коррупции, позволяя ей мимикрировать под нормальные, общепринятые «неформальные отношения». Будучи замаскирована под благодарность или ответную услугу, взятка не только не вызывает общественного осуждения, но и в известной мере утрачивает признаки коррупционного деяния с правовой точки зрения.

²¹ Роуз-Аккерман 2003: 129.

Это означает, что при рассмотрении коррупции нельзя упускать из виду, что «доверие, основанное на личных связях, способствует коррупционным трансфертам»²¹. Отважмся предположить, что если бы в работах теоретиков делался упор на эту сторону проблемы, а не на взяточничество и подкуп, то, возможно, начало бы меняться и отношение

населения к коррупционным практикам — во всяком случае в той его части, которая касается «мелкой» коррупции и «рутинного» соучастия в ней.

Библиография

- Андерсон Б.** 2001. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма.* — М.
- Епифанова Н.** 2007. Исследование коррупции на основе методов экономической теории // *Вопросы экономики.* № 1.
- Козонов Э.Ю.** 2006. *Коррупция: истоки и пути преодоления.* — М.
- Коррупция в системе образования.** Информационный бюллетень. 2004. — М.
- Общественное мнение о коррупции в Хабаровском крае: результаты социологического исследования.** 2005 (www.rap-anticorruption.ru).
- Олимпиева И.Б., Паченков О.В.** (ред.) 2007. *Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход к исследованию коррупции.* — СПб.
- Отчет о состоянии коррупции в Ростове-на-Дону.** 2007 (<http://www.ipmi.ru>).
- Роуз-Аккерман С.** 2003. *Коррупция и государство: Причины, следствия, реформы.* — М.
- Танци В.** 2004. Осторожно: коррупция // *Transition. Экономический вестник переходной экономики.* № 2.
- Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»** (<http://document.kremlin.ru/doc.asp?ID=49786>).
- Чашин А.Н.** 2009. *Коррупция в России.* — М.
- Шмаков А.В.** 2007. Коррупция в образовательных учреждениях // *Вестник Ростовского государственного университета.* Т. 5. № 4.
- Эфендиев А.Г., Дудина О.М.** 1997. Московское студенчество в период реформирования российского общества // *Социс.* № 9.
- Friedrich C.J.** 1972. *The Pathology of Politics: Violence, Betrayal, Corruption, Secrecy, and Propaganda.* — N.Y.
- Hallack J., Poisson, M.** 2007. *Corrupt Schools, Corrupt Universities: What Can Be Done?* — Paris.
- Jain A.** (ed.) 2001. *The Political Economy of Corruption.* — L.
- Johnston M.** 2005. *Syndromes of Corruption: Wealth, Power, and Democracy.* — N.Y.
- Lambsdorff J.G.** 2007. *The Institutional Economics of Corruption and Reform. Theory, Evidence and Policy.* — Cambridge.
- Wrage A.A.** 2007. *Bribery and Extortion: Undermining Business, Governments, and Security.* — Westport.